

Л51

1306 ЕЖЕГОДНИК
2 ГЕРМАНСКОЙ
ИСТОРИИ

1 9 6 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА

Москва

1969

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.¹

■
Б. Г. Тартаковский

Отношение Маркса и Энгельса к революционному народничеству и перспективам революции в России широко освещалось в марксистской исторической литературе. Революционные же связи Энгельса с русскими марксистами после смерти Маркса, в годы, когда освободительная борьба российского пролетариата становилась на самостоятельный путь, а распространение учения Маркса приняло значительно более широкие масштабы, изучены гораздо слабее. Настоящее сообщение представляет собой попытку восполнить этот пробел.

* * *

Когда в марте 1883 г. международное рабочее движение лишилось своего признанного учителя, освободительная борьба пролетариата России находилась еще в зачаточном состоянии. Правда, к тому времени некоторые важные произведения Маркса и Энгельса были сравнительно широко известны в кругах российских революционеров, однако подавляющее большинство этих последних продолжало считать учение Маркса неприменимым в условиях своей страны и все еще полагало, что России удастся избежать капиталистического пути развития. Марксу не довелось ни дожить до идейной победы марксизма в революционном движении России, ни даже лично познакомиться с первыми русскими последователями его учения. Однако он знал, что появление русского перевода «Капитала» было встречено в кругах революционной интеллигенции с огромным интересом и что отдельные представители ее стали называть себя марксистами. За два года до смерти, в феврале 1881 г., из письма Веры Засулич, обратившейся к нему с просьбой высказать свое мнение относительно роли сельской общины в России и пер-

¹ Сообщение, прочитанное на сессии Комиссии историков СССР и ГДР в сентябре 1966 г.

пектив ее дальнейшего существования, Маркс мог убедиться в том, что интерес мыслящей революционной молодежи этой страны к его теории вызван не столько ее склонностью к теоретическим проблемам, сколько глубокими раздумьями о судьбах родины и все растущими сомнениями в правильности того пути, которым шли до того времени русские революционеры.

Около года спустя основоположники марксизма узнали имя еще одного из своих русских последователей — двадцатипятилетнего Г. В. Плеханова. Обратившись к Марксу и Энгельсу с просьбой написать специальное предисловие к подготавливавшемуся тогда изданию русского перевода «Манифеста Коммунистической партии», Лавров сообщил им, что примечания к этому изданию пишет «некий молодой человек», Плеханов, один «из самых ревностных ваших учеников»². Но, как можно судить по этому предисловию, Маркс и Энгельс были тогда еще сравнительно мало осведомлены о первых шагах самостоятельного рабочего движения в России и переоценивали влияние и силу «Народной Воли». Развитие сознательного рабочего движения в России, появление там первых марксистских организаций и групп, постепенное превращение российского пролетариата в самостоятельную политическую силу — все это происходило уже после смерти Маркса. Но его соратник и друг был свидетелем этих процессов, внимательно изучал их, анализировал развитие капиталистических отношений в России, его влияние на судьбы революционного движения и перспективы революции. В результате этих наблюдений Энгельс к концу жизни внес определенные коррективы в свои прежние выводы, прежде всего относительно движущихся сил грядущей русской революции и сроков ее наступления. И главную роль здесь сыграло его знакомство с рабочим движением в России.

* * *

До начала 80-х годов основоположники марксизма не располагали, по-видимому, сколько-нибудь подробными источниками информации о развитии рабочего движения в России, которое делало тогда лишь первые шаги. Буржуазная, да и социалистическая пресса не уделяла ему внимания. Ни от Даниельсона, ни от Лаврова, ни от Лопатина, ни от других деятелей народничества, не придававших борьбе рабочего класса России серьезного самостоятельного значения, Маркс и Энгельс не могли получить нужных сведений. К середине 80-х годов положение изменилось.

Одним из важнейших источников информации о состоянии рабочего движения и распространения марксистских взглядов

² См. «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 457.

в России послужило для Энгельса установление прямых контактов с группой «Освобождение труда». От ее участников он получал теперь более объективные и трезвые оценки внутреннего положения и состояния революционного движения в России, чем раньше. Источником этих сведений стали теперь его идейные единомышленники, люди, открыто провозгласившие себя безоговорочными сторонниками революционного марксизма и называвшие себя его учениками.

О существовании группы русских эмигрантов-социалистов, живо интересовавшихся марксистской теорией, Энгельс узнал не только от Лаврова. Уже в сентябре 1881 г. Э. Бернштейн, незадолго до того возглавивший находившуюся в Цюрихе редакцию «Der Sozialdemokrat», сообщил Энгельсу о своем знакомстве с деятелями русской революционной эмиграции³. Это были друзья и единомышленники Плеханова, стремившиеся вступить в контакт с немецкими социалистами. Один из них, Л. Дейч, называл это «делом чрезвычайной важности»⁴. Весной 1882 г. другой участник этой группы, П. Аксельрод (незадолго до этого он выступал как представитель России на Международном социалистическом конгрессе в Хуре, где виделся с Бернштейном), встретился с Бебелем и в дальнейшем поддерживал регулярную связь с редакцией («Der Sozialdemokrat»). Видимо, по его просьбе Бернштейн в июле 1882 г. просил Энгельса указать литературу по истории чартизма «для русского, который занимается изучением истории рабочего движения»⁵. От Бернштейна же Энгельс в марте 1883 г. узнал о приветствии, направленном Плехановым, Аксельродом и Засулич Копенгагенскому съезду германской социал-демократии и содержащем предложение учредить фонд для общедоступного издания сочинений Маркса»⁶. Оно, кстати, было одним из первых совместных публичных выступлений будущих организаторов группы «Освобождение труда». Через Бернштейна Энгельс получил и известное письмо В. Засулич в ноябре 1883 г., из которого он узнал о создании этой группы и к которому был приложен первый программный ее документ — объявление об издании «Библиотеки современного социализма». В сопроводительном письме Бернштейн писал: «Аксельрод, Плеханов и Засулич поставили перед собой задачу пропагандировать среди своих соотечественников социализм Маркса»⁷.

³ Бернштейн — Энгельсу, после 8 ноября 1881 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6664.

⁴ «Группа «Освобождение труда», № 1, М., 1924, стр. 152.

⁵ Бернштейн — Энгельсу, 13 июля 1882 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 6028.

⁶ Бернштейн — Энгельсу, 16 апреля 1883 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 6090; «Der Sozialdemokrat», 3.V 1883.

⁷ Бернштейн — Энгельсу, 10 ноября 1883 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 6095.

Связи Энгельса с группой «Освобождение труда» сначала не были систематическими, ограничиваясь не очень регулярной перепиской с В. Засулич и ознакомлением Энгельса с изданиями группы, в том числе с первыми крупными марксистскими работами Плеханова: «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия». Именно знакомство с последней брошюрой окончательно убедило Энгельса в том, что «среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славнофильскими традициями своих предшественников»⁸. Правда, и в то время Энгельс, полностью поддерживая Плеханова в теоретическом отношении, высказывал некоторые сомнения в том, следует ли русским революционерам акцентировать внимание на теоретических разногласиях между собой, пока не решена первоочередная задача — уничтожение самодержавного строя⁹. Видимо, в середине 80-х годов Энгельс, не имея достаточного количества убедительных фактов, довольно скептически относился к возможностям быстрого развития самостоятельного рабочего движения в России в мощную политическую силу, способную возглавить борьбу с самодержавием. В то же время он все еще несколько переоценивал реальную силу народничества.

Другим источником информации для Энгельса служила переписка с Даниельсоном. Первоначально она касалась главным образом вопросов, связанных с переводом второго тома «Капитала» на русский язык, но постепенно охватила более широкий круг проблем, в первую очередь экономическое развитие России. Переписка Энгельса с другими русскими деятелями немарксистского направления, в том числе с П. Лавровым, была в эти годы более или менее случайной и не давала ему каких-либо новых данных о борьбе российского пролетариата.

Кое-какие материалы Энгельс мог почерпнуть из прессы, но английские буржуазные газеты, которыми Энгельс пользовался постоянно, не могли, разумеется, служить сколько-нибудь полным и заслуживающим доверия источником. Иначе обстояло дело с социалистической печатью. Выходившие к тому времени в ряде европейских стран газеты и журналы социалистического направления проявляли большой интерес к проблемам рабочего движения в России, широко пользуясь сотрудничеством — прямым и косвенным — русских революционных эмигрантов. Участники группы «Освобождение труда», как уже говорилось выше, поддерживали особенно тесные связи с «Der Sozialdemokrat», а к концу 80-х годов и с «Die Neue Zeit». В первую очередь благодаря сотрудничеству и содействию Аксельрода, Засу-

лич и Плеханова на страницах «Der Sozialdemokrat» с 1882 г. помещалась обширная информация о внутреннем положении в России. Энгельс, который внимательнейшим образом прочитывал каждый номер этой газеты, естественно, широко пользовался этой информацией. Он получал таким образом сведения о наиболее значительных выступлениях российского пролетариата, о некоторых русских нелегальных изданиях, в частности о газете «Рабочий», органе благоевской социал-демократической группы, о преследованиях революционеров царским правительством. Аналогичные материалы помещали и социалистические газеты Франции, Австрии, Англии. Во французской газете «Le Socialiste» была, например, напечатана статья Г. В. Плеханова о Морозовской стачке 1885 г. На страницах этих газет со статьями и заметками на русские темы, в частности и о борьбе рабочего класса, часто выступал в эти годы русский социалист эмигрант Осип Цеткин, который, по некоторым косвенным данным, был знаком с Энгельсом. Материалами этих газет Энгельс пользовался систематически.

Но в общем сведения о рабочем движении в России, доходившие до Энгельса во второй половине 80-х годов, были все еще отрывочными и скудными, а личные контакты с русскими революционерами — крайне ограниченными; более или менее часто он встречался лишь с С. М. Степняком-Кравчинским, который, находясь в эмиграции с конца 70-х годов и посвятив свою деятельность в первую очередь разоблачению зверств царизма, был далек от практического рабочего движения в стране.

Видимо, не случайно, что вплоть до конца 80-х годов Энгельс в своих работах почти совсем не касался рабочего движения в России. Перелом наступил в 1889 г.

* * *

Весной 1889 г. в связи с предстоявшим Международным социалистическим конгрессом в Париже начался сбор подписей социалистов различных стран под извещением о созыве конгресса. Это имело принципиальное значение, поскольку одновременно с марксистскими партиями их идейные противники, французские POSSИБИЛИСТЫ, созвали параллельный конгресс реформистского направления. Энгельс рекомендовал П. Лафаргу обратиться к Засулич и ее друзьям. В результате под извещением появились подписи первых русских марксистов — Плеханова, Аксельрода и Засулич. Официальным представителем группы «Освобождение труда» на конгрессе был Плеханов, в качестве гостя присутствовал Аксельрод. Речь Плеханова была первым публичным выступлением русских марксистов на международном социалистическом форуме; основная ее идея состояла в доказательстве того, что в лице российского рабочего движения на историческую арену вышла новая сила, способная свергнуть

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 36, стр. 260.

⁹ См.: П. Аксельрод. Группа «Освобождение труда». — «Летописи марксизма», № VI. М., 1928, стр. 92.

ненавистную народам самодержавную монархию Романовых. «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих»¹⁰, — заявил Плеханов. Энгельсу была хорошо известна эта речь и он ее высоко оценил¹¹. Участие на конгрессе позволило Плеханову и Аксельроду совершить давно задуманную ими поездку в Лондон. (Плеханов писал Аксельроду о своих планах отправиться в Лондон для знакомства с Энгельсом еще весной 1885 г.¹², но отсутствие средств не позволило ему осуществить это в течение нескольких лет.)

Неделя, проведенная в беседах с Энгельсом, навсегда осталась в памяти Плеханова, с громадным уважением относившегося к соратнику Маркса. «Я имел удовольствие, — вспоминал он, — в течение целой недели вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы»¹³. Сколько-нибудь подробных воспоминаний об этих встречах не осталось, однако не подлежит сомнению, что Энгельс получил тогда из первых рук подробнейшую информацию о состоянии социалистического и рабочего движения в России. Он, в частности, одобрил намерение русских марксистов назвать свою организацию социал-демократической (первоначально такое решение казалось ему неправильным, поскольку в русских революционных кругах, находившихся под влиянием народнических идей, существовало предубеждение против этого термина). «Мы были убеждены в том, — много лет спустя рассказывал об этой беседе Плеханов, — что сумеем заставить умолкнуть все клеветы против социал-демократии, распространявшиеся ее «социально-революционными» противниками. Кроме того, название социал-демократии имело в наших глазах немалое практическое значение. Если русский сознательный пролетарий будет называть себя социал-демократом, то он легче будет понимать, что речь идет о его идейных единомышленниках, когда он будет читать об успехах социал-демократии в соседней с нами Германии... Мы изложили Энгельсу наши соображения и он нашел их основательными»¹⁴.

Эта встреча открыла новый этап не только во взаимоотношениях Энгельса с Плехановым и его друзьями (теперь связи между ними стали более регулярными), но и в его отношении к рабочему движению в России. Он убедился в том, что идеи научного социализма находят живой отклик среди сознательных представителей российского пролетариата, что организованное рабочее движение в этой стране, хотя и находится пока в на-

чальной стадии, но быстро набирает силу. Вряд ли можно считать случайным, что именно после этой встречи Энгельс охотно откликнулся на просьбу Засулич написать статью для только что созданного группой «Освобождение труда» журнала «Социал-демократ». Эта работа — «Внешняя политика русского царизма», напечатанная в двух первых книжках журнала, свидетельствовала о том, что интерес Энгельса к революционному движению в России возрос. Кстати, этот журнал также служил Энгельсу одним из источников ознакомления с состоянием рабочего движения в России, которое подробно освещалось на его страницах.

Особое внимание Энгельса к положению в России первой половины 90-х годов объяснялось рядом обстоятельств. Определенную роль сыграло здесь усиление борьбы между двумя складывавшимися в те годы группировками крупных европейских держав. Энгельс предвидел возможность общеевропейской войны и понимал ее огромную опасность для международного рабочего движения. Справедливо считая, что Россия, несмотря на известное падение ее международной роли во второй половине XIX в., остается одним из наиболее реакционных европейских государств, что само существование самодержавного строя означает поддержку международной реакции, Энгельс рассматривал грядущую революцию в России, свержение царизма как одно из возможных препятствий на пути к мировой войне. Он внимательно следил за развитием событий в этой стране, тщательно учитывая все факторы, способные ускорить назревание революционного кризиса. В то же время именно в эти годы рабочее движение в России вышло на историческую арену как самостоятельная политическая сила, марксистские идеи завоевывали все большее число сторонников, российский пролетариат становился активным участником освободительной борьбы международного рабочего класса. Расширились и окрепли интернациональные связи русских социалистов.

Продолжая общаться и переписываться со многими русскими революционерами, Энгельс не упускал ни одной возможности встретиться с представителями самых различных общественных кругов России. Наиболее интенсивно он переписывался в 90-е годы с Засулич, а с 1893 г. и с Плехановым. Весной 1893 г. неоднократно бывал у Энгельса молодой русский студент А. М. Воден, рекомендованный ему Плехановым, к числу учеников которого он принадлежал. В 1892—1893 гг. Энгельса несколько раз посещал другой представитель русской эмигрантской молодежи, В. Я. Шмуйлов, который в то время работал в редакции дрезденской социалистической газеты. Шмуйлов был близок к группе «Освобождение труда» и придерживался марксистских убеждений. Энгельс был знаком также с русским социал-демократом И. Гольденбергом (Мешковским), впоследствии видным больше-

¹⁰ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, М., 1940, стр. 86.

¹¹ См.: «Летописи марксизма», № IV, М., 1927, стр. 90.

¹² «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, стр. 23.

¹³ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XI, стр. 26.

¹⁴ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIV, стр. 174—175.

виком. Продолжая поддерживать давние дружеские отношения с П. Л. Лавровым и М. М. Ковалевским, Энгельс по их рекомендации не раз встречался и с представителями народнических и даже либеральных кругов. Так, в октябре 1893 г. его посетил близкий Лаврову студент Х. Раппопорт, в то время убежденный народник, а позднее марксист и активный участник французского социалистического движения. В том же году у него был известный народник Н. С. Русанов, писал ему также сотрудник Лаврова Финкенштейн-Литвинов, с которым его познакомил Лопатин еще в начале 80-х годов. Всего за два месяца до смерти Энгельс имел встречу с писателем П. Д. Боборыкиным.

Летом 1893 г., в дни своего пребывания на Международном социалистическом конгрессе в Цюрихе, Энгельс несколько раз посетил жившего там Аксельрода и много беседовал со своими русскими последователями. Именно в Цюрихе Энгельс особенно сблизился с Плехановым и Засулич; их отношения перешли теперь в тесную дружбу. Когда, высланный в 1894 г. из Франции, Плеханов прожил несколько месяцев в Лондоне, он был постоянным гостем в доме Энгельса. Постоянно бывала у него и Засулич, поселившаяся в английской столице в октябре 1894 г. К числу друзей Энгельса принадлежал, как говорилось, Степняк-Кравчинский; человек, далекий от марксизма, он был искренним, бесстрашным революционером. С основателями группы «Освобождение труда» его связывала личная дружба.

Таковы были связи и контакты Энгельса с деятелями русского революционного и рабочего движения в первой половине 90-х годов. Наиболее близки ему были его идейные единомышленники и последователи. Укреплению его связей с первыми русскими марксистами способствовало и то, что последние поддерживали тесные отношения с революционными лидерами германской социал-демократии — Бебелем, Либкнехтом и другими, а также с французскими марксистами. Именно тогда у Плеханова завязалась оживленная переписка с Бебелем, Каутским, Либкнехтом, Гедом, именно тогда он и его друзья стали еще более интенсивно сотрудничать в социалистической печати, особенно немецкой и французской. Их статьи и корреспонденции помогали Энгельсу следить за борьбой рабочего класса России.

Высоко ценя теоретическую и практическую деятельность Плеханова, Энгельс в последние годы своей жизни был уверен в том, что будущее революционного рабочего движения в России связано с успехами марксизма. Это явствует и из его высказываний, и из его личных отношений со своими русскими последователями. Об этом свидетельствовали и современники. Один из них после встречи с Энгельсом в октябре 1893 г. писал: «У меня осталось впечатление, что все свои надежды он тогда возлагал на Г. В. Плеханова и его группу»¹⁵.

¹⁵ «Летописи марксизма», № V. М., 1928, стр. 77.

* * *

Непосредственное общение с единомышленниками и учениками, систематическое знакомство с русской революционной прессой и соответствующими материалами социалистической печати других стран, переписка и встречи с представителями различных направлений общественного движения России — все это давало Энгельсу богатую пищу для раздумий о будущем этой великой страны, о ее роли в мировом революционном процессе.

Он превосходно понимал, что Россия становится — и в общем уже стала — капиталистической страной, хотя и отягощенной массой феодальных пережитков и в экономике и в политической жизни, пережитков, препятствующих ее нормальному развитию. Опираясь на одну из статей Плеханова в «Die Neue Zeit», он писал в 1891 г.: «Россия... очень много потрудились над созданием крупной национальной промышленности»¹⁶. А несколько месяцев спустя он писал Даниельсону о том, что современная промышленность развивается в России «в масштабе, достойном великого народа»¹⁷. Он много раз повторял, что Россия переживает настоящую экономическую революцию, в результате которой там «заложены все основы капиталистического способа производства»¹⁸.

Но Энгельсу была ясна и другая сторона процесса, обусловленная тем, что страна была опутана сетью пережитков докапиталистической эпохи, — исключительная острота классовых противоречий, тающая в себе зёрна революционного кризиса. Он подчеркивал, что процесс развития капитализма в стране со столь многочисленным крестьянским населением, где представлены все ступени социального развития, «может быть осуществлен лишь ценой страшных страданий и потрясений»¹⁹. Основываясь на этом анализе, Энгельс считал неизбежным наступление революционного кризиса в России в недалеком будущем.

Широко известно, что еще в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. основоположники марксизма считали более чем вероятной скорую революцию в России. Действительно, в стране тогда зрели все объективные предпосылки для революционного свержения царизма. Но в оценке субъективных факторов Маркс и Энгельс несколько ошибались. Основываясь на недостаточно верной информации, они преувеличивали реальную силу народных масс, даже после фактического разгрома их организации, последовавшего за убийством Александра II. Дальнейшие события, уже после смерти Маркса, убедили Энгельса в том, что их надежды на скорый переворот в России оказались ошибоч-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 38, стр. 129.

¹⁷ Там же, стр. 264.

¹⁸ Там же, т. 22, стр. 450.

¹⁹ Там же, т. 39, стр. 35.

ными. Попытки героических народовольцев изменить политический строй России путем террористических актов обернулись для них тяжелой трагедией. И Энгельс не мог не видеть этого. Правда, еще в середине 80-х годов он не исключал возможности того, что смелые действия небольшой кучки революционеров могут при благоприятных обстоятельствах «заставить рухнуть целую систему». «Это, — писал он тогда, — один из исключительных случаев, когда горсточка людей может сделать революцию»²⁰. Но этого не произошло. «Царизм, — писал впоследствии Энгельс, — восторжествовал над терроризмом»²¹.

Однако объективные предпосылки революции сохранились. В течение последующих лет Энгельс, развивая мысли, высказанные им и Марксом ранее, много раз говорил, что Россия находится накануне революции. Разумеется, он имел в виду не пролетарскую революцию, для которой Россия тогда еще не созрела, а буржуазно-демократическую. Энгельс рассматривал ее как единственный и неизбежный выход из того глубокого затяжного кризиса, в котором оказалась к 90-м годам монархия Романовых. Мысль о том, что «Россия — это Франция нынешнего века»²², что она «приближается к своему 1789 году», что перемена политического строя в России «должна произойти в ближайшие годы, что наступает «начало конца царского всемогущества», проходит красной нитью через все высказывания Энгельса о России. Но, оставаясь глубоко убежденным в том, что объективная необходимость неумолимо влечет самодержавие к полному краху, Энгельс постепенно выработывал теперь новый подход к оценке сил, способных стать носителями революции в России.

С ростом капиталистической промышленности и распадом сельской общины росла численность промышленного пролетариата. Все яснее вырисовывалась перед Энгельсом та новая сила, которая и здесь, во все еще отсталой по сравнению с другими европейскими странами Российской империи, становилась важным фактором политической жизни. В письме Бебелю 29 сентября 1891 г. он говорил о пролетариате, наряду с крестьянством, как об одном из самых страдающих классов русского общества. Он анализировал далее вопрос о движущих силах грядущей революции в России. Время дворянских революций, говорил он, безвозвратно прошло, крестьяне же способны в лучшем случае на местные восстания, буржуазия подлая и невежественная, она процветает и при самодержавном строе, она не сможет стать движущей силой революции: «Нелегко будет дожидаться, пока эта буржуазия, по гнусности далеко пре-

восходящая нашу, посягнет на царизм»²³. Остается, следовательно, только одна реальная сила — рабочий класс. Он, правда, только еще нарождается, для руководства революцией он еще слаб, но будущее за ним. Ту же мысль Энгельс высказывал еще более ясно в беседе с уже упоминавшимся А. М. Воденом в 1893 г.: «Он [Энгельс], конечно, приветствует выступления русских рабочих и уверен, что они сыграют решающую роль при свержении самодержавия»²⁴. Тогда же он подчеркнул особую важность для русской социал-демократии разработки аграрного вопроса, ибо без этого нельзя подготовить свою программу в будущей революции.

Вывод Энгельса относительно роли пролетариата в революционном свержении самодержавия имел выдающееся теоретическое и практическое значение. Это было по существу признание того, что российская буржуазия теперь, в условиях неотвратимо развивающегося рабочего движения, не сможет и не захочет довести до конца буржуазную революцию. И движущими силами этой революции могут быть лишь наиболее страдающие под гнетом самодержавия классы — крестьянство и пролетариат. Но крестьянские восстания «будут бесплодны, пока победоносное восстание в городских центрах не придаст этим восстаниям недостающей спайки»²⁵. Таким образом, решающее слово будет принадлежать пролетариату.

Было бы, вероятно, слишком смело сделать из изложенного выше вывод о том, что Энгельс выдвинул идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции в России. Но вряд ли можно усомниться в том, что он отводил рабочему классу выдающуюся роль в том перевороте, наступление которого он считал неизбежным в самое ближайшее время. Незадолго до смерти Энгельс был свидетелем начала царствования нового русского монарха. Он не раз говорил тогда о своей уверенности в том, что «самодержавие едва ли переживет эту последнюю смену монарха», что «если дьявол революции схватил кого-либо за шиворот, так это Николая II»²⁶. Мы теперь знаем, каким пророческим оказалось это суждение. Прошло всего десять лет после смерти Энгельса, и весь мир был потрясен грандиозным размахом русской революции. И главной ее силой был именно пролетариат, без победы которого, говорил Энгельс в январе 1894 г., «сегодняшняя Россия ни на основе общины, ни на основе капитализма не может достичь социалистического переустройства общества»²⁷.

²³ Там же, т. 38, стр. 136.

²⁴ «Летописи марксизма», № IV. М., 1927, стр. 91.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 38, стр. 136.

²⁶ Там же, т. 39, стр. 293, 334.

²⁷ Там же, т. 39, стр. 334.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 36, стр. 260.

²¹ Там же, т. 22, стр. 449.

²² Там же, т. 21, стр. 490; т. 38, стр. 293.

В заключение отметим следующее. Высказанные здесь соображения не претендуют на исчерпывающую полноту. Необходимо учитывать, что Энгельс подходил к вопросу о перспективах революции в России и роли в ней рабочего класса прежде всего с точки зрения интересов всего международного рабочего движения. Считая царский режим опорой европейской реакции, он предвидел, что его свержение даст могучий толчок пролетарским революциям в развитых капиталистических странах Западной Европы. Поскольку Россия ввиду особой остроты внутренних противоречий стояла на пороге революционного кризиса, Энгельс считал революцию в этой стране наиболее вероятной и близкой. Но буржуазия по своим объективным задачам революции в царской России потрясла бы весь европейский мир и чрезвычайно облегчила бы победу пролетариата в основных странах континента. А эта победа в свою очередь создала бы благоприятные условия для дальнейшего развития революции в России и позволила бы этой революции перейти в новый, более высокий этап, выйти за рамки буржуазных преобразований.

Таким образом ближайшей задачей русских марксистов Энгельс считал подготовку пролетариата и его союзников к революционному свержению самодержавия. И он полагал, что для этого необходимо сплочение всех революционных сил, революционеров различных направлений. Понимая, какую великую роль предстоит сыграть пролетариату России в грядущих событиях, он в то же время не мог предвидеть, как быстро вчерашние крестьяне, составлявшие значительную долю в рабочем классе страны, смогут приобщиться к сознательной классовой борьбе. Не мог он предвидеть и того, какими темпами пойдет создание в России массовой пролетарской партии на марксистской основе. А так как он не исключал того, что революция в России может произойти весьма скоро, то и не считал возможным публично отмежеваться от немарксистских направлений в русском революционном движении, коль скоро их сторонники вели борьбу против самодержавия. Этим, вероятнее всего, можно объяснить, почему Энгельс публично, в печати, никогда не высказывался в поддержку своих русских последователей, хотя, как мы видели, был с ними в последние годы гораздо более близок, чем с какими-либо другими представителями революционного движения в России. Другая причина заключалась, по видимому, в том, что Энгельс сознательно не вмешивался в детали борьбы между различными группами русской революционной эмиграции, не считая себя достаточно компетентным в этих вопросах. Ведь он, по его собственным словам, был очень плохо осведомлен о «довольно часто изменяющихся группировках среди русских, живущих в Западной Европе». Он считал,

как писал Вере Засулич, что «и другие социалистические фракции имеют право на определенное уважение»²⁸.

Сложнее ответить на вопрос о том, почему Энгельс в своих последних публичных выступлениях, касавшихся положения в России, не высказывался определенно о роли промышленного пролетариата в будущей революции. Судя по приведенным выше его высказываниям, он уже в начале 90-х годов предвидел, что рабочему классу будет принадлежать важнейшая роль в предстоящих революционных событиях. Но для публичного выступления Энгельс, видимо, не располагал достаточно основательным материалом и поэтому не считал себя вправе развивать эту мысль более подробно. Он предоставлял делать это своим русским ученикам и прежде всего Плеханову. Зная, как высоко ценил он работы последнего, можно сказать с уверенностью, что Энгельс полностью разделял точку зрения русских марксистов на то, что и в России, несмотря на ее экономическую отсталость, промышленные рабочие встанут во главе революционной борьбы.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 37, стр. 331.

От редакционной коллегии 7

■ СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

Лео Штерн (ГДР).

Идеологическая и политическая роль Реформации в прошлом и настоящем 11

Н. М. Дружинин.

Крестьянская община в оценке А. Гакстгаузена и его русских современников 28

Карл Оберман (ГДР).

Социальный строй и политическая идеология в эпоху утверждения капитализма в Германии (1789—1870) 51

Б. Г. Тартаковский.

Фридрих Энгельс и рабочее движение в России во второй половине XIX в. 73

Хорст Бартель (ГДР).

Газета «Социал-демократ» и русское революционное движение 86

Г. В. Павленко.

Теория и практика германской социал-демократии в крестьянском вопросе (1890—1895) 96

В. В. Чистяков.

Влияние русской революции 1905—1907 гг. на развитие взглядов Розы Люксембург 125

Р. Я. Евзеров.

В. И. Ленин о некоторых вопросах развития революционной обстановки в Германии накануне первой мировой войны 145

■ К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. МАРКСА

Ш. З. Маглин.

Тактика Карла Маркса в Кёльнском демократическом обществе в 1848 г. 161

В. А. Морозова.

Карл Маркс и секции I Интернационала в Германии 186

■ НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

В. М. Хвостов.

Пятьдесят лет советско-германских отношений 209

Эрнст Диль (ГДР).

Октябрьская революция и борьба германского рабочего класса и его революционной партии за власть и за строительство социализма в ГДР 223 ✓

<i>К. А. Селезнев.</i>	
Немецкие интернационалисты в борьбе за победу Октября	239
<i>И. М. Кулинич.</i>	
О деятельности Харьковской группы немецких ком- мунистов в 1918—1919 гг.	265
<i>Ю. П. Муравьев.</i>	
Советско-германские научные связи в годы Веймар- ской республики	274
<i>Л. И. Гинцберг.</i>	
На пути к фашистской диктатуре (События осени 1931 г.)	292
<i>Е. А. Рабкин.</i>	
К вопросу об интернациональном единстве герман- ских и французских трудящихся в борьбе против фашизма и войны	318
<i>Г. Н. Горошкова.</i>	
Дружба и сотрудничество народов СССР и ГДР ..	331 ✓
<i>И. М. Карпенко.</i>	
Победа ленинского кооперативного плана в сель- ском хозяйстве ГДР	352 ✓
<i>И. Н. Киселев.</i>	
Плодотворное сотрудничество Академии наук Со- ветского Союза и Германской академии наук в Берлине	374

■ ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>К. Д. Петряев.</i>	
История политических партий кайзеровской Герма- нии в освещении западногерманской буржуазной историографии	391
<i>Э. Энгельберг (ГДР).</i>	
Немецкая буржуазная историография о Великой Октябрьской социалистической революции	403
<i>Д. Фрикке (ГДР).</i>	
О роли буржуазных партий в Западной Германии .	434
<i>Лотар Бертольд (ГДР).</i>	
О современных тенденциях в западногерманской буржуазной историографии	455

■ НАУЧНАЯ ХРОНИКА

<i>А. Б. Чернов</i>	
Изучение германской истории в СССР и ГДР	471

БИБЛИОГРАФИЯ